

Роальду Далу, с почтением...

Сказать, что погода в Париже в октябре 1787 года была возмутительна — обозначало польстить ей также дерзко, как сказать ветхой шлюхе, попавшей в Бисетр, что у нее наружность юной девы.

По крайней мере, врач Жозеф, как его называли пациенты, был в этом уверен.

Карета, которую за ним прислали в данный вечер, непрерывно застревала в раскисшей грязи, кучеру доводилось безжалостно нахлестывать лошадей, Дабы продолжать двигаться вперед, а дождь, с яростью грохотававший по крыше, грозился ворваться вовнутрь, будто шайка жестоких бандитов.

И еще врач думал, что если бы не огромные карие глаза молоденькой служанки, приехавшей за ним, и теперь, при всяком рывке кареты, с ойканьем валившейся к нему на колени, — черта с два он выбрался бы из дома в такой гнусный, дождливый и поздний вечер.

Наконец карета остановилась. Врач Жозеф с некоторым усилием втащил свое громоздкое тело по мокрым ступеням.

Служанка теснее взбегала по лестнице с криками... — Госпожа баронесса!... Врач, врач приехал!..

Захлопали двери, замерцали свечи и насупотив доктору Жозефу, в развевающемся пеньюаре с декольте, способным вместить каждый Пале-Рояль, поторопилась моложавая, но теснее начинающая полнеть, дама.

— Врач!... Какое блаженство!... Скорее!... Такой дождь!... Моя дочка!... Бедная Антуанетта! Она так страдает!... Только вы!... Бал через три дня!... Его Величество...

Доктор с раздражением осмотрелся. Наконец кто-то из лакеев принял от него шляпу и помог снять плащ.

— Где больная? — раздражение врача приобретало все больше пугающий размер.

Он начинал жалеть, что поддался чарам глаз горничной и отправился сюда.

Наверняка у девицы заскочил перед балом прыщик на лбу и от этого у нее истерика, подумал врач...

— Да, да... идите за мною... Мари, беги наверх, скажи Антуанетте — врач приехал!..

Слегка косолапя и сопя, врач Жозеф поднялся по лестнице и вошел в тускло освещенную свечами комнату.

На постели, под балдахином, до глаз закрывшись периной, лежала девица. Ее длинные темно-каштановые волосы, слегка прикрытые ночным чепцом, в беспорядке разметались по подушке...

Доктор сел в плачевно заскрипевшее под его тяжестью кресло.

— Ну, рассказывайте... — обратился он к баронессе.

— Вы знаете, врач — вначале — все было восхитительно... — Его Величество всякий день

устраивает балы, Дабы отвлечь мужу от печальныхмыслей... Моя Антуанетта... ей 15... она нарасхват — всю неделю... — Так веселилась... Танцы... — Она танцует, как фея... Его Величество... чай она — тезка Ее Величества... — И внезапно вчера позже бала ей стало дрянно, она лежит, ничего не ест и, знаете врач, мне неуклюже это говорить — стоит ей немного выпить воды, как она здесь же...

— Ее рвет? — спросил врач Жозеф.

— Нет... вода... выливается снизу... — И ей дюже нехорошо, врач...

Слабый, плачевный стон, донесшейся с подушки, свидетельствовал о том же.

Вздыхнув, врач освободился из плена мягкого кресла и подошел к постели.

— Снимите — это, — сказал он, — показывая на перину.

Бойкая Мари, подскочив к кровати, сдернула с больной покрывало.

Под огромным числом кружев с трудом угадывались очертания девического тела...

Тонкие руки, содрогаясь, стягивали у горла ворот рубашки.

Доктор грузно опустился на край постели, и посмотрел на пациентку.

У девушки были верные, славные, лишенные фарфоровой кукольности черты. Огромные темно-вишневые глаза на бледном лице были затуманены дымкой терзания.

На тонкой шейке матово мерцала испарина.

Распустив узелок шнуровки, врач отодвинул мешавшие девичьи руки и раскрыв рубашку, нашел две небольшие ласково-умилительные груди.

Наклонив голову, он приложил ухо и через отчаянный стук сердца услышал ровное и чистое дыхание.

— Нет, тут все, известность Всевышнему, в порядке, — вздохнул врач Жозеф с некоторым упрощением. — Посмотрим ниже...

Доктор провел рукой по рубашке, там, где под кружевами предполагался живот. Живот был крепкий как камень и бугорчатый, как мешок набитый репой.

— Впрочем, — подумал врач Жозеф, — схоже, что она не опорожнялась дней пять, не поменьше, и каловые массы давят на мочевой пузырь...

— Ну, вот и отгадка, — ухмыльнувшись, врач посмотрел на девушку.

— Все будет отлично, мадемуазель, — пробасил он, — будете еще танцевать на балах...

И обращаясь к баронессе, распорядился... — Прикажите принести еще свечей и нагреть побольше воды.

Баронесса прошуршала пеньюаром за дверь.

— А ты, — врач тыкнул пальцем в Мари, — Дай мне мою сумку и раздень больную.

С подушки раздался протестующий писк...

Мари застыла в неуверенности.

Тогда врач Жозеф издал свое известное злое рычание, которому позавидовали бы медведи в дальней России.

Это рычание ясно говорило, что если теперь же, незамедлительно, все в этом доме не начнут исполнять приказания врача, то... Что последует за этим «то...» представлять никому в комнате не хотелось...

Переложив докторскую сумку поближе к постели, Мари потянула через голову больной ее рубашку. Глазам врача понемногу предстали тонкие, но отлично сформированные ноги, покрытый темными кудряшками треугольник между тесных бедер, живот с опрятной точкой пупка, теснее знакомые доктору Жозефу грудки и, наконец, из-под рубашки вынырнуло покрасневшее от смущения лицо юной пациентки, которая пыталась руками закрыть свои прелести, напомнив доктору ветхую картину, которую он видел во время поездки в Италию. На этой, восхитившей его картине, волны несли к храню раковину с новорожденной Венерой, целомудренно прикрывавшей руками грудь и лоно.

Внесли свечи и в комнате стало светлее.

— Ну-ка, повернитесь на бок, мадемуазель, — приказал вздрагивающей девушке врач Жозеф, капнув на палец оливкового масла из склянки.

Антуанетта подчинилась и сейчас доктору были видны гладкая спина, покрытая нежным пушком, маленькие округлые ягодицы и тонкая шейка с прилипшими прядками темных волос.

— Мари, — врач взором разыскал кареглазую горничную, — придержи ей ноги...

Когда Мари, взявшись за щиколотки, плотно прижала ноги Антуанетты к постели, врач Жозеф левой рукой развел ягодицы пациентки и всунул указательный палец в крошечное отверстие.

Девушка вскрикнула, и попыталась брыкнуть врача, но, к его счастью, Мари держала сильно.

— Не дергайтесь! — рявкнул врач Жозеф, свирепо сопя, — он чуть не сломал ноготь, тыкнув в плотную окаменелую массу, заполнявшую прямую кишку.

Антуанетта тихонько всхлипнула...

В данный момент в комнате возникла еще одна служанка, принесшая огромный кувшин с теплой водой.

Раскрыв рот, она уставилась на голую хозяйку и сидящего на постели врача, со свирепым видом рассматривавшего свой палец.

С удовлетворением врач подметил, что ноготь не пострадал, под ним лишь возникла темная полоска.

— Принеси мне какую-нибудь миску, — приказал он служанке, и полез в свою сумку.

Служанку словно ветром сдуло, а врач наконец вытянул из сумки подходящую ложку-кюретку.

— Вот, что, мадемуазель, — сказал он, обращаясь к лежащей девушке, — будете брыкаться, я

велю вас связать... Следственно лежите спокойно. Больно не будет... а стыдливость вы отличное приберегите для грядущего жениха... Договорились?..

Антуанетта, лежавшая лицом к стене, тихонько качнула головой. При желании это дозволено было расценить как согласие.

Вошедшая служанка протянула доктору фаянсовую мисочку.

Доктор поставил ее себе на колени и хмыкнул — на дне мисочки был нарисован пастушок, подглядывавший за присевшей в кустах по малой нужде пастушкой...

— Мари!... Подойди-ка сюда, — позвал врач Жозеф, и смышленная служанка, отпустив ноги хозяйки, встала рядом.

— Теперь ты двумя руками обширно раскроешь данный зад, — Мари хихикнула. — И будешь удерживать, пока я не скажу. И вот еще что — достань ночную вазу...

— А вы, мадемуазель, лежите спокойно и думайте о славном...

Доктор Жозеф капнул на согревшуюся в руке кюретку масло и растер его.

— Начнем...

Мари активно растянула в стороны ягодичы Антуанетты, открывая доктору доступ к анусу.

Доктор нагнулся и почувствовал слабый бодрящий запах аммиака, шедший от темневших между бедер завитков.

Слегка поворачивая, он неглубоко ввел ложечку кюретки в отверстие и, зацепив ломтик плотной массы, осмотрительно вытянул его наружу, Стряхнув его в мисочку, прямо на любопытствующую физиономию пастушка, он опять углубился в девичий зад и вытянул еще один кусок. Сейчас досталось и пастушке.

Антуанетта тихо всхлипывала, но лежала спокойно, а врач Жозеф, яростно сопя и втягивая в себя горьковато-пряный запах извлекаемого, продолжал заполнять мисочку.

Через некоторое время, в течение которого врач чувствовал себя рудокопом, мисочка наполнилась, и кюретка стала входить вовнутрь Антуанетты на всю свою длину.

Доктор поставил мисочку на пол, подальше от своих ног, и принялся опять искать в своей сумке.

— Можешь отпустить, — кинул он через плечо кареглазой Мари, — и подай мне кувшин с водой.

Доктор извлек на свет божий из глубины сумки клистирный шприц, и проверив пальцем температуру воды, стал медлительно его наполнять...

Мари тем временем вытерла тряпочкой, вынутой из кармашка фартука, запачканные ягодичы Антуанетты, и подхватив благоухающую мисочку, выскочила из спальни.

Оглянувшись на лежащую девушку, врач Жозеф увидел, что она лежит, подтянув колени к животу, и плечи ее тихо содрогаются.

И внезапно осознал, что девочка совсем не ревет, а тихонько хихикает!

Он слегка шлепнул ее по задку.

— Ну что, полегчало? — рокочуще спросил врач Жозеф.

Антуанетта посмотрела на него через плечо своими огромными и теснее заблестевшими глазами.

— Да... Удивительно...

— Ну, тогда давайте продолжим, мадемуазель Антуанетта, чтоб на балу вы порхали как мотылек...

Доктор покомфортнее взялся за наполненный клистир, нацелился и, скользнув наконечником в темную дырочку, нажал на поршень.

Когда тонкая струйка стукнула внутри нее, Антуанетта ойкнула, пошевелила коленями, но терпеливо приняла в себя все содержимое шприца.

Доктор осмотрительно вынул наконечник клистира из Антуанетты и опустив его в кувшин, потянул поршень вверх...

Вставив клистир между слегка вздрагивающих ягодиц девушки, он опять активным нажатием опорожнил его.

Антуанетта встревоженно взглянула на него

— Врач, я теперь...

— Дышите велико, и не напрягайтесь, — порекомендовал врач Жозеф.

Следуя его советам, Антуанетта сумела удержать в себе воду на несколько минут, потом ее лицо исказила гримаса, она соскользнула с постели и присела над ночной вазой, подставленной доктором.

Раздался плеск хлынувшей воды, весомый удар о дно посуды, несколько других, послабее, пузырящееся урчание и Антуанетта счастливо вздохнула.

— Как отлично!...

Доктор Жозеф тем временем наполнил клистир опять.

— Еще не все, мадемуазель... Встаньте-ка на четвереньки...

Антуанетта послушно забралась на постель и, оттопырив зад, застыла.

В комнату вошла Мари и остановилась в дверях.

— Стремительно, вылей это, — врач кивнул в сторону ночной вазы, — и пускай приготовят воду для купания. Завтра мадемуазель будет прыгать и распевать песенки...

Мари с усилием подняла наполненную посудину и, усердствуя не расплескать, стремительно вышла.

Доктор продолжил свою работу.

Слушая вольное журчание вливавшейся вовнутрь Антуанетты воды, врач Жозеф не спеша рассматривал юное тело, открытое его глазам — невинноеломо, еще сомкнутое аналогично створкам раковины-жемчужницы, круглые молочно-белые ягодицы, будто выточенные из караррского мрамора, нежные ямочки на пояснице и ровную линию позвоночника, переходившего в тонкую шею, скрывавшуюся под густой волной каштановых волос.

Мари внесла опорожненный сосуд и Антуанетта, присев на него, слегка наклонила голову, прислушиваясь к шуму вытекавшей из нее жидкости...

И внезапно, хитроумно взглянув на врача, по кошачьи слизнула капельки пота над верхней губой.

— Ну, эта девочка еще насыплет перца в штаны своим кавалерам, — ухмыльнувшись про себя, подумал врач Жозеф...

* * *

Ливень наконец-то перестал и луна, выкатившаяся на впервой за много дней расчистившееся небосвод, заливала оловянным светом улицы ночного Парижа.

Карета мягко покачивалась. В кармане врача Жозефа тихонько позвякивали, врученные рассыпавшейся в благодарностях баронессой, луидоры... Грузная фигура врача, заполнившая карету, излучала умиротворение и убежденность.

Перед прикрытыми глазами врача Жозефа туманно проплывали — молодая фигурка Антуанетты, ее вишневые глаза и тонкая нежная шея...

— Завтра нужно будет продолжить свои эксперименты, — в полудремоте подумал врач.

Карета пересекла Гревскую площадь и остановилась у его дома.

— Врач Жозеф! — низенькая старушка с фонарем в руках открыла дверь, — я каждая избеспокоилась... Небезопасно так поздно ездить к больным! Дозволено чай и головы лишиться! Что будет тогда делать Париж без врача Жозефа Гильотена?

— Все в порядке, Эжени, не кричи... — добро пророкотал врач, — я теснее дома, и Париж не погибнет...